

Добрыня и битва с невежею. Купанье в реке. Жена вышла за другого

(Красные Лиги)

Повышла, повыкатилась Волга-матушка река,
Местом шла она три тысячи,
Рек побрала — того сметы нет,
А перевоз дала в стольном городе во Киеве.

У ласкова у князя у Владимира
Заводился пированьице — почестный пир
На многих на князей на бдаряв
И на сильных-могучих богатырей,
На всех палениц на удалых.
Пир-от идет на веселе,
Ден-ет идет ко вечеру,
Красное солнышко ко западу.
И выходил-то Илья Муромец
На красное круто крылечушко
И зрел-смотрел во чисто поле:
Летает Невежа черным вороном
И грозит-то на со угрозою¹,
Ко грозе-то Невежа приговаривает:
«Дайте из Киева мне поединщика!»
И приходит Илья в палаты белокаменны,
И говорит таковы слова:
«Ты Владимир князь, столен-киевский!
Тихо-гладко было во городе во Киеве,
А теперича во Киеве не тихо.
И глядел я теперь во чисто поле:
Летает Невежа черным вороном,
И грозит-то на со угрозою,
Ко грозе-то Невежа приговаривает:
Дайте мне из Киева поединщика!»
И зачали между собой жребий метать,
Кому ехать в поединщики

Супротив Невежи черна ворона.
И выпал жеребий Добрыне Никитичу
Ехать ему в поединщики
Супротив Невежи черна ворона.

Закручинился Добрыня, запечалился
Той тоской-печалью великою,
И приходит он в свои палаты белокаменны,
И встречает его родна матушка
И молода жена Настасья Микулична.
И говорит ему родна матушка:
«Что же, мое чадо милое,
Молодой Добрынюшка Никитинич!
Что же закучинился, запечалился?
Разве ты в пиру невежа обесчестила,
Али место ты было не по разуму,
Али чарою тебя обнесли?» —
«Ай же ты, моя родна матушка!
Невежа меня в пиру не обесчестила,
И место было мне по разуму,
И чарою меня не обнесли.
А счастьем меня спородила не счастливого,
Красотою меня не красивого,
Силою меня не сильного». —
«Ай же ты, мое чадо милое!
Рада бы я тебя спородити
Силою в Самсона Самойловича,
Красотою во Осипа Прекрасного,
Счастьем во стольного князя Владимира:
А какового тебя бог дал, делать нечего! —
«Были мы теперь во почестном пиру,
И был-то старый казак Илья Муромец,
Ён зрел-смотрел во чисто поле,
Насмотрел Невежу во чистом поле:
Летает Невежа черным вороном,
И грозит-то на со угрозою,
Ко грозе-то Невежа приговаривает:
«Дайте мне из Киева поединщика!
И выпал мне-ка жеребий ехать в поединщики». —
«Дитя ты мое, чадо милое!

Невежа-то среди дня летает черным вороном,
По ночам ходит Змеем Тугариновым,
А по зорям ходит добрым молодцем.
Берегись ты от Невежи черна ворона!
Когда одолят ти жары непомерные,
И тогда пойдешь во Почай-реку купатися,
И за вѣструю плови, и за дрѹгую плови,
Не плови, ты, дитя, за третьюю,
Чтобы не поел тебя Невежа черным вороном. —

И молодой жены Настасье Никуличной
Добрынюшка наказывает:
«Молода жена Настасья Никулична!
Пожди-тко меня три года,
Еще меня пожди до шести годов,
И еще пожди до девяти годов,
Еще ты пожди до двенадцати лет.
Как двенадцать-то лет минуется,
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за сильного могучего богатыря,
Отнюдь не ходи за Алешу Поповича:
Мне Алеша Попович крестовый брат,
Крестовый брат паче рѹдного».

Как отправился Добрыня во чисто поле
Супротиву Невежи черна ворона,
И ездил-то Добрыня три году,
Не видал Невежи черна ворона;
И ездил по чисту полю до шести годов,
Не видал Невежи черна ворона;
И ездил по чисту полю до девяти годов,
Не видал Невежи черна ворона.
И одолели жары непомерные,
И пошел в Пучай-реку купатися,
И спомнил родной матушки наказаньице:
И берет ён с собой свой тугий лук,
Берет еще с собой калену стрелу.
И за вѣструю пловет, за другую пловет,
И заплывает ён за третьюю, —

И налетел-то Невежа черным вороном:
«И долго я ждал, — дождался тебя,
Отсеку тебе я буйну голову!»
И охвочь-то Добрыня нырком нырять,
И нырнул-то Добрыня во Почай-реку,
И выплыл Добрыня на крутой бережок;
И натягиват Добрыня свой тугий лук,
И накладыват Добрыня калену стрелу,
И звыла тетивушка шелковая,
Полетела стрела через Почай-реку
Во того ли Невежу черна ворона:
Покатилась у Невежи голова, будто пугвица.
И только Невежа проговорил:
«Хотел-то Добрыню я показнить,
А в те поры Добрыня меня показнил!»
И тут Невежу ён рассек-разрубил,
Разрубил-рассек на мелки части,
И огня-то расклал, на огне его сожѣг.

Стоючись Добрыня пораздумался:
«Что́ мне делать во городе во Киеве?
И поеду я в королевство заморское,
Какая очередь — собирать дани-пошлины:
Проезжу я до двенадцати лет,
Так меня больше на службу не потребуют».
И уехал в королевство заморское,
И живет он там — проклажается,
Собирает дани-пошлины.

А во стольном во городе во Киеве
Приходит Алеша Попович ко городу ко Киеву:
«Ты Владимир князь, стольно-киевский!
Я был-то теперь во чистом поле,
Видел у Добрынюшки головушка отсичена,
А тулово лежит посередé поля,
А голова лежит во ракитовом кусту,
Нашел-то я его злачен перстень.
Пошли-тко, Владимир стольно-киевский,
Сватов свататься
На молодой Настасье Микуличной

За меня, за Алешу Поповича».
И посылает Владимир сватов свататься
За того Алешу за Поповича:
«И добром не идет, так силóm возьмем,
А силóm нейдет, так за боем возьмем!»
И пошли — взяли Настасью Микуличну
За те ли за ручки за белыя
И повели ко божьей церкви, ко святу венцу,
За молода Алешеньку Поповича.
И тая ли Добрынина матушка
Посылала кормленого голубя со голубушкой:
«Полетите-тко, голубь со голубушкой,
Ищите-тко своего хозяина».
И прилетели голубь со голубушкой
В то ли королевство заморское,
И нашли Добрынюшку Никитича,
И сели на косявчето окошечко:
«Живешь ты, Добрыня, проклажаешься,
И домашней незгоды не сведаешь:
Увели у тя молоду жену Настасью Никуличну
Ко святу венцу за Алешу Поповича».
И тут-то Добрыне не долго проклажатися:
Прямо через стол перескакивает,
И садился ён на добра коня,
И ехал-то он скоро-наскоро,
Реки-озера перескакивает,
Синия моря переплавывает.

И приезжает Добрыня ко своему дому:
Ворота у Добрынюшки заложены;
Как ударил ён в ворота грудью белою,
Разлетелися ворота на три четверти.
Вышла его родна матушка,
Жалобнехонько она расплакалась:
«Как не стало моего чада милого,
Всяк-то стал насмехаться!» —
«Не плачь ты, родная моя матушка:
Я сделаю ворота тебе новые.
Дай-ка мне гусли звончатые,
Дай-ка мне шалыгу подорожную,

Которая шалыга во двенадцать пуд,
И пойду я ко Алешеньке на свадебку».
И дала ему гусли звончатые,
И дала ему шалыгу подорожную,
И пошел ко Алешеньке на свадебку.

И идет во терем златоверховатый,
По ступенчикам идет, поколачивает,
Ступенчики гибнут, весь терем шатается.
Зачал во гусли играть-приговаривать,
И все на пиру приутихли — сидят,
Сидят — на скоморошину посматривают.
Говорит скоморошина таковы слова:
«Ай же, новобрачная княгиня Настасья Никулична!
Поднеси-тко скоморошины чару зелена вина,
Зелена вина в полтора ведра:
Еще повеселяе стану играть в гусли звончатые».
И наливает чару зелена вина;
Принимает ён чару единой рукой,
Выпивает ён чару за единый здох
И отдает Настасье Никуличной:
«Новобрачная княгиня, Настасья Никулична!
Смотри-тко до дна, увидишь добра,
А не посмотришь до дна, не увидишь добра».
И опустил ён в чару злачен перстень.
И посмотрела до дна Настасья Никулична,
И увидела на дне злачен перстень,
И отошла от Алеши Поповича,
И села подле Добрыни Никитича,
Сама говорила таковы слова:
«Не тот мне-ка муж, который подле меня сидит,
А тот мне-ка муж, который супротив меня сидел».
И взял Добрынюшка Никитинич
Того ли Алешеньку Поповича,
И взял как шалыгой поколачивать,
Зачал как Алеша поворачиваться,
С боку на бок перевертываться:
«Да ох добро́, да не́ ровно!
Всяк-то на сем свете женится,
А не всякому женитьба издавается²;

А мне-ка, Алешеньке, не издалась!»
И тот ли Добрынюшка Никитинич
Берет Настасью Никуличну
За те ли за рученьки белыя,
Поводит в свой терем златоверховатый.

Дунай, Дунай, Дунай,
Боле пить³ вперед не знай!

(От Калики Латышова, в июне 1861)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины, старины и побывальщины. - 1862.

1 Вм. «с наугрозою». *Собир.* — То же, что «на вот», «вот». — *Изд.*

2 Удастся. — *Изд.*

3 Петь. — *Изд.*